Эверстов Степан Ильич

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СПОСОБ АДАПТАЦИИ НАРОДА САХА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Статья посвящена проблеме адаптации скотоводческого народа саха (якутов), оказавшегося в эпоху Средневековья в экстремальных условиях Севера в результате сложных жизненных перипетий и выдержавшего трудное испытание в борьбе за существование благодаря своей жизнеспособности и самоорганизации. В ходе освоения Ленского края, с его резко континентальным климатом, переселенцы не только сохранили традиционную материальную и духовную культуру, но и в значительной мере рационализировали все виды производственной деятельности. К приходу русских землепроходцев были освоены огромные пространства Севера, где была распространена новая система хозяйства и накоплен уникальный опыт освоения суровой среды обитания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-3/57.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. III. С. 212-219. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

6. **Львов М. Л.** Нежданова. М.: Государственное музыкальное издательство, 1952. 224 с.
7. **Музыкальный энциклопедический словарь** / гл. ред. Г. В. Келдыша. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
8. **Назаренко И. К.** Искусство пения. М. – Л.: Государственное музыкальное издательство, 1948. 382 с.
9. **Назаренко И. К.** Современный камертон // Советское искусство. 1945. № 50 (982).
10. **Нестеренко Е. Е.** Размышления о профессии. М.: Искусство, 1985. 184 с.
11. **Хвольсон О. Д.** Курс физики. Изд-е 3-е. СПб.: Издание К. Л. Риккера, 1911. Т. 2. 774 с.
12. **Pilotti K.** The Road to Bel Canto. Sweden, 2009. 55 p.
13. **Reid C.** Bel Canto: Principles and Practices. N. Y., 1950. 211 p.
14. **Stark J.** Bel Canto: a History of Vocal Pedagogy. Toronto, 2003. 352 p.

HIGH-PITCHED TUNING FORK AS BEL CANTO PRESERVATION PROBLEM

Shcherbinkina Natal'ya L'vovna
Russian Academy of Theatre Arts
ncantor@mail.ru

The author discusses one of the major problems of bel canto existence nowadays – the high-pitched tuning fork, considers the key stages of the tuning fork rising from the beginning of the XVIIIth century till the present day, analyzes the views of the following researchers: N. A. Garbuzov, M. Praetorius, O. Khvol'son, A. P. Ivanov, E. E. Nesterenko, I. K. Nazarenko, N. I. Vasil'ev; expresses her own opinion about the impact of the high-pitched tuning system on the singer's vocal apparatus, reveals and substantiates the necessity to return the original tuning fork height, which corresponds to the genuine nature of singing voice, and tells that this problem is very poorly studied and requires further research.

Key words and phrases: tuning fork; tuning system; sound; singer; singing.

УДК 93/94
Исторические науки и археология

Статья посвящена проблеме адаптации скотоводческого народа саха (якутов), оказавшегося в эпоху Средневековья в экстремальных условиях Севера в результате сложных жизненных перипетий и выдержавшего трудное испытание в борьбе за существование благодаря своей жизнеспособности и самоорганизации. В ходе освоения Ленского края, с его резко континентальным климатом, переселенцы не только сохранили традиционную материальную и духовную культуру, но и в значительной мере рационализировали все виды производственной деятельности. К приходу русских землепроходцев были освоены огромные пространства Севера, где была распространена новая система хозяйства и накоплен уникальный опыт освоения суровой среды обитания.

Ключевые слова и фразы: археология; экстремальные условия; климатология; приспособляемость; жизнеобеспечение; самоорганизация.

Эверстов Степан Ильич, к.и.н.
Якутская государственная сельскохозяйственная академия
everstov-si@mail.ru

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СПОСОБ АДАПТАЦИИ НАРОДА САХА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ©

Как известно, древние тюрки территориально обитали в степных и лесных зонах Южной Сибири, где климат мягче по сравнению с резко континентальным климатом северо-востока Севера. Разнообразие животного мира зафиксировано в древних рунических письменах. Касаясь фауны, исследователи пишут, что она «представлена в древнетюркской антропонимии намного разнообразнее и богаче, чем в древнегерманской, причем настолько, что потребовалось выделить самостоятельные семантические группы: 1) дикие животные, 2) домашние животные, 3) птицы, 4) рыбы» [40, с. 718]. Курыканы занимались разведением крупного рогатого скота и лошадей, примитивным земледелием, кузнечеством, а также охотой и рыбной ловлей [30, с. 294-325; 34, с. 3-12].

Нас интересуют вопросы переселения на север потомков курыкан – саха, оставлявших сравнительно теплые, насиженные места и заселявших крайне суровый в климатическом отношении регион Сибири. Ясно, что переселенцы, осваивающие новое пространство, должны приспосабливаться к северным экстремальным условиям, а адаптивные функции, безусловно, связаны с культурой жизнеобеспечения и природопользования. Одной из главных проблем для них было найти более оптимальный вариант теплообеспечения в зимних условиях, прежде всего жилья. Для рассмотрения данной проблемы мы должны обратиться к результатам археологических исследований.

© Эверстов С. И., 2013

Для нас особый интерес представляют археологические исследования в бассейне Средней Лены, относящиеся к Средневековью.

Наиболее ранние следы поселений якутского населения впервые исследованы А. П. Окладниковым. Остатки таких поселений сохранились в 85 км от устья Вилюя, то есть в том самом районе, где, по свидетельствам русских письменных источников первой половины XVII в., отмечены «пешие якуты», вблизи р. Даалган, около озер Большой и Малый Кюстяхтях. Оба озера богаты рыбными запасами. Берега озер по большей части удобны для жилья, особенно там, где имеются сухие песчаные гривы с сосной. В таких же условиях оказались аналогичные поселения в других местах Нижней Лены, например вблизи Сангар-Хая [30; 31].

По описанию А. П. Окладникова [30, с. 347-352], жилища этих поселков делятся на две группы: малые четырехугольные дома с очагом из каменных плит и большие круглые постройки типа земляной юрты-холомо, но не пирамидальной, а конической формы. Они окружены земельными валами и ямами сбоку, откуда брали землю. В культурных остатках внутри жилищ нет никаких следов скотоводства в виде костей домашних животных; встречаются только кости диких животных и рыб, в том числе очень крупных. Глиняные сосуды из «малых домов» имели очень тонкие стенки и отличались своеобразным орнаментом в виде поясков да тонких налепных валиков, иногда разомкнутых в середине. Их венчики часто рассечены сверху косыми насечками.

Вместе с подобными фрагментами глиняных сосудов были собраны обломки других сосудов, представляющих новые элементы. Сосуды эти имели уже не круглое, а плоское дно; в орнаменте впервые появляется неизвестный прежде тисненый узор в виде отдельных фигурных вдавлений короткой палочкой с нарезным узором-штампом на конце. По А. П. Окладникову, «подобная орнаментация уже входит в число признаков, характерных для якутской керамики XVIII-XIX вв.» [Там же, с. 350]. Отсюда ученый сделал следующий вывод: «...во всех существенных признаках культуры “малых домов” запечатлен постепенный переход от старой культуры Севера к новой североякутской культуре XVII-XIX вв.» [Там же, с. 351]. Далее он пишет, что переход этот произошел в результате длительного соседства и взаимодействия племен Севера с пришлым населением, от которого они восприняли ряд элементов материальной культуры, а также, очевидно, и якутский язык, но сохранили хозяйственную основу своего быта – озерное рыболовство и охоту.

Как пишет А. П. Окладников [31, с. 57-58], устройство и тип жилищ, а также размеры их совершенно одинаковы. Все дома имели в плане квадратные очертания и были окружены со всех четырех сторон низким земляным валом. Размер домов, вместе с валами, колеблется в пределах 4х4 или 5х5 м. Они имели вид настоящего якутского земляного балагана («буор балаган»). Основою для них служили деревянные жерди, поставленные наклонно со всех четырех сторон и опиравшиеся вверху на квадратную раму, которую, в свою очередь, поддерживали вертикальные столбы. Снаружи дом описанного типа выглядел подобно современным холомо, представляя земляную пирамиду с четырьмя равными сторонами и усеченной вершиной – плоской крышей, засыпанной слоем земли. Следует полагать, что такие дома были теплее, чем жилища тунгусоязычных племен – нестационарного типа, в виде временных конусовидных шалашей из тонких деревьев.

Следы жилищ типа «малых домов» А. П. Окладниковым обнаружены также в местности Тонгус-Хая [Там же, с. 82-92].

Исследователь датировал культуру «малых домов» XV-XVI вв. н.э. [Там же, с. 62].

Впоследствии, в начале 70-х гг. XX в., И. В. Константинов производил раскопки жилищ аналогичного типа у пос. Сангар на Лене и на правом берегу Алдана, напротив пос. Хара-Алдан. В результате своих работ он подтвердил правильность выводов своего предшественника [21, с. 48].

Предполагается, что «малые дома» были разбросаны везде вдоль р. Лены и ее притоков, но масштабному археологическому изучению они еще не подверглись. При этом вызывает беспокойство то, что следы аналогичных жилищ, существовавших в долине р. Лены, безвозвратно уничтожены, в том числе и распашкой земель под пашню, как об этом с сожалением писал А. П. Окладников после археологических исследований в районе Малой Мархи [31, с. 13].

Обитателей «малых домов» исследователь называет лесными рыболовами-балыксытами и охотниками, кормившимися рыбой из озер и дичью [Там, с. 61]. В комплексе остатков жилищ не были обнаружены признаки рыбной ловли, за исключением рыбных костей. Мы не можем утверждать, что у жителей домов не было рыболовных орудий. Конечно, рыбу они ловили специальными средствами, такими как морды (верши) из тальника или струганных дранок – ***туу***, и само слово указывает на то, что оно древнетюркского происхождения. Также не можем отрицать существование у носителей «малых домов» рыболовных сетей – ***илим*** – известного рыболовного орудия древних тюрков. При этом рыболовная сеть часто упоминается в древнетюркских источниках [40, с. 720]. Как пишут исследователи, в древнетюркских именах широко представлена богатая титулатура, отчасти также название профессий, в том числе «изготовитель рыболовных сетей» [Там же, с. 718], т.е. **«илим баайааччы»**.

Как видно из вышеизложенного, первые переселенцы, оторвавшиеся от верхнеленских курыкан, охотники и рыболовы, имели достаточно теплое помещение с камельком посередине. Н. К. Антонов писал, что «тип жилища **“балаган”** – утепленную зимнюю юрту предки якутов строили еще на своей южной прародине» [2, с. 94]. Притом археологическими исследованиями унгинских поселений на р. Унге установлено, что курыканы имели более приспособленную к суровой зиме юрту типа **«саха балагана»**, **«туруорбах дьиэ»** [37, с. 294]. В связи с этим здесь следует упомянуть о том, что в археологическом отчете, посвященном курыканам, Н. Н. Забелина писала, что курыканы пользовались очагами типа якутского камелька [16, с. 94].

Вышеприведенные мнения исследователей говорят о том, что «малые дома» были оставлены носителями якутского языка. Об этом свидетельствуют не только остатки архитектуры жилища, но и керамика, которая является индикатором этнической общности. Что касается датировки «малых домов» А. П. Окладниковым – XV-XVI вв., то, как нам кажется, она хронологически слишком поздняя. По нашему мнению, «малые дома» могли появиться намного раньше предложенной А. П. Окладниковым даты.

Как писал А. П. Окладников, тюрки-курыканы в V-X вв. обитали на Верхней Лене и Ангаре, а также, вероятно, в низовьях Селенги и по берегам Байкала. Они были самые северные к тому времени тюрки [30, с. 320-321].

Известно, что курыканы занимались охотой. По всей вероятности, среди населения лесной зоны верховьев р. Лены выделялись охотники на диких зверей. В свою очередь, из их среды могли обособиться охотники, специализировавшиеся на соболя – **киисчиттэр**, **саарбаhыттар** и белок – **тиинньиттэр**, как это было у бурятов – булагачины (соболятники) и кэрэмучины (охотники на белок) [22, с. 132]. Здесь также уместно упомянуть о том, что в древнехакасском государстве в VI-VIII вв., как сообщает «Синь Тан-шу», ясачные вносили подать соболями и белкой [20, с. 90]. Следует полагать, что в эпоху Средневековья пушнина являлась большой ценностью, «валютой» того времени. Судя по китайскому рисунку, изображающему курыкана на коне, его кафтан по всему краю оторочен мехом [30, с. 308], что говорит о не последней роли меха в бытовой жизни курыканского населения. Судя по находке в Пазырыкском могильнике (курган № 2) на Алтае – сохранившийся рукав из собольего меха, – одежда из пушного меха была распространенным явлением уже в VII-V вв. до н.э.

В свое время Г. В. Ксенофонтов писал: «Итак, мы имеем вполне достаточное основание утверждать, что в эпоху проживания якутов около Байкала картина международной торговли и обмена китайских фабрикатов на собольи шкурки ни в коем случае не могла уступать тому порядку, который застали русские завоеватели в первой половине XVII столетия. Даже напротив, посредническая роль якутов в международной торговле того времени должна была быть более интенсивной, чем у поздних бурят, ибо якуты имели обширную промысловую колонию на Вилюе...» [22, с. 38].

Можно предположить, что охотники-курыканы в поисках пушнины открывали для себя новые охотничьи угодья вдоль русла р. Лены, оставляя свои «малые дома». Этому способствовала редкая заселенность бассейна, позволявшая им продвигаться почти беспрепятственно. По всей вероятности, именно эти поселенцы могли распространить слух о том, что, как это стало известно из летописи танской династии, существовавшей с 618 года по 907 год, «по переправе за море “Байкал” на север дни долги, ночи короткие. По закате солнца только что баранья селезенка успеет изжариться, как на востоке уже показывается рассвет. Сия страна близка к месту солнечного восхождения» [Цит. по: 5, с. 440].

«Малые дома», судя по их остаткам, являлись жилищами стационарного типа. Это обстоятельство позволяет предположить, что в них обитали семейные промысловики.

Сохранившиеся остеологические материалы, обнаруженные в кухонных отбросах, представлены костями диких животных и рыбы. Здесь не были зарегистрированы кости лошадей и крупного рогатого скота. А отсутствие разведения лошадей само собой говорит о том, что жители не были оснащены волосяными рыболовными орудиями. Видимо, рыбу ловили мордами и удочками. Производительность промысла могла быть компенсирована рыбными богатствами водоемов.

По-видимому, верхоянские предки саха были пионерами открытия Ленских просторов вплоть до Полярного круга. Это могло произойти до X в. н.э. Отсюда, начальный период появления «малых домов» может датироваться не позднее указанной даты.

Естественно, носители «малых домов» уже в те далекие времена вступили в отношения родства с бродячим аборигенным населением, представленным находками в местности Унгаайы, постепенно превращаясь в охотников-оленеводов. Г. В. Ксенофонтов [22, с. 14] называл их «оленными якутами».

Следующий этап заселения бассейна Средней Лены народом саха А. П. Окладников связывает с так называемыми «кыргыс-етехами». Остатки последних исследователем были обнаружены на р. Мархе и в верховьях р. Мархачана [29, с. 75]. По его описанию, стиль постройки жилищ не отличается от якутских жилищ, сохранившихся до наших дней. Внутри их имелся чувал, то есть очаг с прямым дымоходом [Там же, с. 75-76].

Для изучения данного этапа освоения бассейна Средней Лены скотоводами саха большие археологические исследования провела в 1976-1987 гг. археолого-этнографическая экспедиция Якутского государственного университета под руководством проф. А. И. Гоголева. Эти работы позволили осветить малоизвестный промежуток истории Якутии в хронологических рамках конца XIII-XVII вв.

А. И. Гоголев в амгино-ленском междуречье впервые обнаружил следы скотоводческих поселений, датируемые XIV-XV вв. Эти памятники составили особую кулун-атахскую археологическую культуру [15, с. 21]. По его выявлению, вещи из этих поселений проявляют близкую связь с аналогичными находками из археологических памятников Прибайкалья, Южной Сибири, в основном датируемых курыкано-уйгурским временем (V-X вв.). Но часть кулун-атахского комплекса несет на себе печать традиций раннего железного века [Там же].

Бесспорно, древние предки саха – курыканы, обитавшие в лесном Верхоленье, были вооружены навыками ведения оседлого скотоводства с практикой заготовки сена на зиму и имели более приспособленное к суровой зиме жилище типа **«саха балагана»**, **«туруорбах дьиэ»**.

Возможно, часть населения со своим скотоводческим хозяйством вслед за охотниками начала переселяться в более удобные для них участки. Они не могли двинуться наугад всем племенем на север и, должно быть, переселялись малыми, но компактными и организованными группами – **ага уустарынан**. Переселенцы заблаговременно осведомлялись у своих предшественников об удобных для содержания скота и заготовки фуража сенокосных угодьях.

Здесь нельзя оставить без внимания интересное мнение лингвистов, давших краткую сводку лексического состава пратюркского языка, охватывающую все важнейшие стороны жизни и хозяйства носителей пратюркских диалектов, а также окружавшей их природы. Они пишут следующее: «К сожалению, исторические источники не дают никаких достоверных сведений о моменте откола от тюркской общности предков якутов. По данным глоттохронологии, он должен был произойти в III в. н.э.; единственная возможность связать предков якутов с какими-то историческими сообщениями – это отождествить их с курыканами орхонских надписей, принадлежавшими к телесской конфедерации, поглощенной тюркютами. Локализовались они в это время, по-видимому, к востоку от Байкала. Судя по упоминаниям в якутском эпосе, основное продвижение якутов на север связано со значительно более поздним временем – с экспансией империи Чингисхана» [40, с. 733].

Из вышеприведенной цитаты видно, что глоттохронологические данные показывают совершенно очевидное раннее обособление предков саха от основной массы тюркоязычных конфедераций. По-видимому, оно было достаточно длительным по времени. За это время они не подверглись существенному потрясению со стороны других племенных объединений. Следует полагать, что именно в пределах того времени были утеряны тюркские звуки ***ж, з, ш***. Также следует обратить внимание на то, что слово ***ак***, в переводе на русский «белый», употребляется всеми тюрко-язычными общностями, саха вместо него в том же значении употребляют ***үрүн***.

Конечно, нельзя не согласиться с предположением, что массовая миграция верхоленских предков саха на север произошла в XIII в., ускоренная монгольскими завоеваниями [36, с. 382-385]. Думается, чтобы добраться до Лено-Амгинского междуречья и обосноваться там, переселенцы Верхоленья должно были затратить много десятков лет.

В XIV-XV вв. вся Центральная Якутия была заселена основной массой народа саха с его производящим хозяйством [16, с. 123-126]. Возможно, переселение отдельными группами продолжалось до конца XV в. Судя по народному преданию, записанному Я. И. Линденау в 1743 г., дед Тыгына тойон Баджай со своим родом покинул местность Кобелюр, расположенную ниже Качуга, самым последним [24, с. 17-19]. По предположению А. П. Окладникова, указанное событие произошло в начале XVI в. [30, с. 361].

Как показывают антропологические исследования, часть якутоязычных прибайкальцев-верхоленцев все-таки осталась на прежней родине и смешалась с западными бурятами [19, с. 25; 23, с. 56].

По наблюдениям исследователя кулун-атахской культуры А. И. Гоголева, археологические материалы культуры «малых домов» и поселений типа Кулун-Атах в основном идентичны [13, с. 46]. А в хозяйственном отношении, судя по остеологическим остаткам, обитатели «малых домов» занимались только охотой на диких зверей и рыболовством [30, с. 350-352], а жители **«кыргыс-етехов»** – скотоводством и коневодством как основными хозяйственными занятиями [13, с. 46].

Жилища носителей **«кыргыс-етехов»**, исследованные А. И. Гоголевым, в основании имели округлое или прямоугольное очертание, окруженное насыпными валами. По их внешним сторонам сохранились ямы, из которых брали землю для крыши и валов. Очаг у округлых жилищ помещался в центре, а у прямоугольных очаг располагался на южной или северо-западной половине жилища, иногда – в центре. По краям одного жилища были зарегистрированы остатки оснований наклонно поставленных жердей, а по углам – основания столбов. Таким образом, вырисовывались архитектурные очертания известного жилища якутов – юрты-**балагана** [13, с. 17-36; 14, с. 56].

По А. И. Гоголеву, некоторые из жилищ напоминали якутские зимние деревянные юрты-**балаганы**, состоящие из хлева-**хотона** для скота и непосредственно примыкавшей к нему жилой части юрты [14, с. 56].

Как показали археологические раскопки «малых домов» и **«кыргыс-етехов»**, все они имели земляную насыпь вдоль наружных стен, свидетельствующую об утеплении жилищ. Насколько велика была насыпь этих жилищ, мы не знаем. По В. Л. Серошевскому, саха «кругом дома снаружи делают ради тепла земляную насыпь, доходящую до окна» [38, с. 340]. Видно, что климат не благоприятствовал. Данное обстоятельство требует обратиться к прошлому глобального климата за два последних тысячелетия.

Климатологи и гляциологи утверждают, что климат периодически колебался. Восточная Сибирь отличается от других регионов земного шара резко континентальным климатом: коротким жарким летом и длительной холодной зимой.

Наиболее значительные похолодания позднего голоцена отмечены около 2,3-2,2 тыс. лет назад. Начиная с I в. до н.э. в хрониках отмечаются очень холодные зимы и засухи, выходящие за пределы обычных [7, с. 388]. В Центральной Азии эти изменения принесли холод. Хунны-скотоводы не выдержали подобного испытания и начали передвигаться на юго-запад.

С IV в. н.э. появились признаки потепления, и его максимум падает на VIII-XI века. Этот период времени носит название малого климатического оптимума [44, с. 37]. Во второй половине этого периода – 1,2-0,9 тыс. лет назад – отмечено наиболее значительное потепление, известное как «потепление викингов» или потепление Средних веков [6, с. 158-159]. Это потепление охватывало все Северное полушарие [27, с. 17]. В пределах указанного периода отмечаются становление, расцвет, затем упадок курумчинской культуры, носителями которой были уч-курыканы.

По всей вероятности, курыканы, обитавшие в лесной зоне Верхоленья, наряду с основными хозяйственными занятиями развивали охоту и рыбную ловлю. Климат способствовал размножению диких животных, в том числе пушных зверей. Мех последних очень высоко ценился и в Средние века. Как нам кажется, «малые дома» были оставлены именно преследователями пушных зверей, таких как соболи, белки, куньи, лисы и т.д. Эти охотники, продвигаясь на север, могли сблизиться и сродниться с малочисленным аборигенным населением.

Из вышеизложенного вытекает вывод о том, что пешие курыканские охотники, воспользовавшись благоприятными климатическими условиями, первыми зарегистрировали ранее не известные, благодатные во всех отношениях угодья в бассейне Средней Лены.

Далее, с XIII по XIX века, климатические условия были настолько суровыми, что этот отрезок человеческой истории получил название «малого ледникового периода» [44, с. 38]. Притом XVIII в. был самым холодным за весь «малый ледниковый период» [Там же, с. 41]. По уточнению некоторых исследователей, похолодание, начавшееся в XIII-XIV вв., достигло максимальной величины в XVI-XVII вв. и продолжалось с небольшими перерывами примерно до середины XIX в. [27, с. 7].

Как пишет А. Никонов [28, с. 161], первая треть XIII в. была просто катастрофической с климатической точки зрения. После этого обвального похолодания начала века климат всего XIII в. был достаточно стабильным и не очень холодным (примерно на 0,1°С холоднее климатической нормы середины XX в.) (*т.е. холоднее, чем похолодание, отмеченное в 1951-1980 гг. – С. Э.*). Климатологи считают, что падение температуры на 0,2°С за 10 лет фактически является экологической катастрофой [Там же]. Зимы 1303-1328 гг. были настолько суровы, что полностью замерзало Балтийское море. В первой трети XIV в. Аму-Дарья в Хорезме была скована льдом по 4-5 месяцев в году. XV в. также считается ужасно холодным столетием. В 1422-1425 гг. на Руси был голод из-за неурожая. Съели всех собак, кошек, ворон. Ели собственных детей. В 1438 г. снова настал голод и начался каннибализм [Там же, с. 161-167].

Как выше указано, на заре XIII в., в связи с завоевательной политикой Чингисхана, начались нашествия монголов на соседние племена. Видимо, с этого момента пошло продолжительное перемещение предков саха со своим скотом на север, навстречу жгучим морозам. Надо сказать, что борьба за существование заставляла их приноравливаться к любым невзгодам, как бы они ни были тяжелы. Безусловно, исследователи правы, когда пишут: «В таком суровом климате люди должны обладать исключительной способностью к адаптации, которая проявляется буквально во всем: в особенностях протекания жизненных процессов, в социальной организации в жилище, одежде, питании» [8, с. 93].

Действительно, саха, несмотря на такой жестокий климат, умудрились содержать и воспроизводить свое стойловое скотоводство и табунное коневодство, неводить на озерах, охотиться в тайге месяцами и т.д.

Напрашивается вопрос: какие человеческие качества были нужны саха для того, чтобы преодолеть природные негативные ситуации? На этот вопрос дал ответ Ф. П. Врангель. Он писал, что «своим трудолюбием и терпением водворили они (*якуты – С. Э.*) скотоводство и коневодство в стране, по качествам климата и почвы казавшейся к тому совершенно не способной» [9, с. 212].

Вкратце остановимся на жилищных условиях саха в этнографическом прошлом.

Известно, что якутская юрта **«саха балагана»**, **«туруорбах дьиэ»** существовала до недавнего времени. О достоинстве якутского балагана и камелька писали многие исследователи. С. Г. Пархоменко отмечал следующее: «Простота и скорость устройства юрты в несколько дней, пригодность всех сортов леса для постройки и сравнительная теплота ее – вот те огромные преимущества юрты в этой суровой стране перед другими видами жилищ» [33, с. 37-38]. Здесь уместно упомянуть, что вплоть до 20-х гг. XX в. жилище саха разделялось на две части, находящиеся под одной крышей: жилую часть и **хотон** (хлев) для скота. Соединение хлева с жильем, как писал Р. К. Маак, «вызывается необходимостью, так как якутский рогатый скот, хотя и гораздо более привычный к холодам, все-таки требует лучшего ухода, чем якутские лошади, как известно, проводящие всю зиму под открытым небом» [26, с. 203]. Нет сомнений в том, что подобное устройство было продиктовано суровыми климатическими условиями Севера. При таких условиях якутский камелек **«симии ohox»**, **«сирэй ohox»** явился самым оптимальным вариантом для наполнения теплом жилища и вообще наиболее соответствовал образу жизни скотовода-саха. Притом, как писал С. Г. Пархоменко, «неудобство от близкого соседства скота несколько смягчается способностью камина вентилировать помещение» [Там же, с. 38]. О ценных и незаменимых качествах камелька писал и Ф. П. Врангель: «...и чувал (*камелек – С. Э.*), с вечно пылающим огнем его, имеет то преимущество, что, вытягивая беспрестанно воздух, некоторым образом очищает в юрте атмосферу, напитанную всякого рода испарениями» [9, с. 116]. Исследователь дал следующую характеристику **балагану** саха: «Хотя зодчество и устройство якутских жилищ крайне несовершенны, однакож они в полной мере соответствуют здешнему климату, местности и потребностям жильцов, а в некотором отношении даже предпочтительнее уже здесь кое-где русских крестьянских изб» [Там же]. Известному исследователю Арктики М. Геденштрому также приходилось дневать и ночевать в **балагане** саха. Как он пишет, «зимние юрты их (*саха – С. Э.*) довольно теплы и не дымны; вместо печи имеют огромный камин (чувал), построенный посредине юрты из бревен, обмазанных толстою глиною. В окна вставлены толстые прозрачные льды» [12, с. 93-94]. Очень тепло отзывался о чувалах автор известного произведения «Фрегат Паллада» И. А. Гончаров, путешествуя из Охотска в Иркутск через Якутск: «...хороши камельки или чувалы, на станциях и вообще в юртах» [17, с. 54].

Описание камелька дано В. Л. Серошевским. Как он описывает, «камелек представляет трубу, слегка наклоненную назад. Его остов сделан из длинных, не особенно толстых жердей, связанных тальником или заключенных вверху, над крышей, и внизу, над челом камина, в деревянные крепкие рамы. Внутри камелек весь вымазан толстым слоем глины. <...> Шесток (*холумтан – С. Э.*) камелька сделан из толстых бревен и плотно набит глиной» [38, с. 342].

Интересно, что в исторических документах XVII в. упоминается очаг «чувал» с высокой трубой из жердей, также обмазанных глиной, у тюркоязычных кумандинцев Алтая [35, с. 63]. Надо сказать, что якутский

шесток удобен. Для камелька заготавливали очень много дров, так как весь день жилище отапливалось для поддержки тепла. В 1913 г. группа авторов писала, что «один якутский камелек за зиму расходует от 40 до 50 квадратных саженей дров, т.е. 120-150 возов» [18, с. 16]. «Камин, – писал Р. К. Маак, – необходимая принадлежность каждой юрты, в нем беспрерывно горит огонь не только для варки пищи, но и для тепла. Каждому путешествовавшему в тех неприятных местах хорошо известно, что ничего не может сравниться с ярко пылающим якутским камином для отогревания окоченевших членов» [26, с. 203].

О внешнем и внутреннем устройстве якутских **балагана** и **урасы**, покрытой берестой, писали В. Л. Серошевский [38, с. 333-349] и Р. К. Маак [26, с. 199-208].

Следует отметить, что **саха туруорбах дьиэтэ** выдержал суровое испытание. Саха не нашли другого варианта жилого помещения, который бы показал себя с лучшей стороны, чем это апробированное веками в экстремальных климатических условиях жилище. Камелек **саха ohoro** также соответствовал своему назначению. В эпоху «малого ледникового периода» (XIII-XIX вв.), в зимнее время, когда во дворе в течение нескольких месяцев стояла температура 50-55°С ниже ртутного столба, народ саха спасло его жилище.

Как показали археологические материалы кулун-атахских памятников, в кухонных отбросах мало найдено костей крупного рогатого скота по сравнению с конскими. Это свидетельствует о том, что переселенцы не могли содержать большого количества рогатой скотины в новых климатических условиях, это требовало большой затраты труда и риска. И за короткое время, видимо, не успевали заготовить столько сена, сколько хотели. Данное обстоятельство могло предопределить активную рыболовную деятельность, тем более что к тому времени, как писали позднее в ясачных документах XVII-XVIII вв., озера и реки «кишмя кишели рыбой». В новой окружающей среде саха должны были усовершенствовать имеющиеся рыболовные орудия и находить новые приспособления для повышения эффективности лова рыбы. Именно это обстоятельство толкнуло саха к изобретению **куйуура** и **мунха** – озерного невода для подледного лова карася, требовавшего коллективной организованной работы.

Нас интересует одежда саха, оберегавшая от зимней стужи в эпоху «малого ледникового периода».

В середине XIX в. саха Вилюйского округа говорили Р. К. Мааку, что «предки их в прошлом столетии носили одежду, по покрою и по украшениям резко отличающуюся от нынешнего костюма» [Там же, с. 225]. В конце указанного века саха Намского улуса также говорили В. Л. Серошевскому, что «теперь старинного платья (*общее название одежды – С. Э.*) и сшить не умеют, и названия его не знают... Теперь все по-русски» [38, с. 316]. И действительно, в XIX в. у саха много было европейского в одежде.

Одежда саха конца XVII – середины XVIII века была подвергнута тщательному исследованию Р. С. Гаврильевой [10]. Для этого она изучила результаты археологических раскопок, архивные и литературные источники, а также сохранившиеся музейные экспонаты. Исследователь выявила, прежде всего, многосоставность одежды, ее комплектного набора. Основным сырьем для шитья одежды и ее некоторых украшений служили шкуры домашнего скота и пушно-меховой материал, добытый в результате охотничьего промысла. Притом принцип покроя мужской, женской и детской одежды был совершенно одинаковый [Там же, с. 15-16].

По исследованиям Р. С. Гаврильевой, в старину саха не имели определенной наплечной нательной одежды. Та одежда, которая надевалась непосредственно на тело, была одновременно и нательной, и домашней. Поверх нательных рубах саха носили кафтаны, сшитые для лета из ровдуги, а для зимнего периода – утепленные меховым подкладом из шкурок белки, горностая, из лисьих, песцовых и волчьих брюшек и лапок. Обычной бытовой повседневной одеждой, преимущественно бедноты, было короткое пальто (сон) типа куртки. Летние куртки шили из кожи домашнего скота, зимние – из жеребячьей или телячьей шкуры мехом внутрь. Поверх кафтанов носили длинные меховые шубы-дохи, сшитые из шкур диких таежных зверей: медведя, росомахи, волка, рыси. Для подклада и декора дохи использовали мех выдры, куницы, соболя, бобра, тарбагана, белки, горностая и зайца. Доха служила в основном дорожной одеждой [Там же, с. 17].

Как пишет Р. С. Гаврильева, штанов в европейском понимании у древних саха не было. Вместо них носили составную ножную одежду. Нижнее белье представляли трусы из тонковыделанных кожаных материалов. Летние трусы шили из оленьей ровдуги, зимние – из телячьей или жеребячьей шкуры, меховой стороной внутрь. Зимой надевали двойные трусы. Нижние шили из телячьей или жеребячьей шкуры мехом внутрь, верхние – мехом наружу. К нижнему краю трусов пришивались кожаные ремешки с металлическими кольцами или просто кожаные шнуры, предназначенные для подвязывания к ним ноговиц, сшитых из волчьей, телячьей или жеребячьей шкуры. Ноговицы зимой также носили двойные: первые – мехом внутрь, вторые – мехом наружу. На нижние зауженные части ноговиц надевали меховые чулки (кээнчэ), сшитые мехом внутрь, а поверх них – меховую камусную или кожаную обувь – **торбаза** на мягкой кожаной (воловьей, лосиной, конской) подошве [Там же, с. 17-18].

По Р. С. Гаврильевой, головные уборы саха бытовали двух видов: колпакообразный и капоровидный. Зимние шапки подбивались комбинированным мехом [Там же, с. 17].

Что касается рукавиц, то для самого холодного времени шили меховые рукавицы с ровдужной ладонной частью, внутри также подбитые мехом (белки, лисьих лап, зайца и др.) [Там же, с. 18].

Безусловно, саха испокон веков знали положительные качества выделанной телячьей или жеребячьей шкуры. Одежда, сшитая из нее, отличается своей прочностью и неизнашиваемостью. Это свидетельствует о том, что они владели высокой технологией обработки мехов и кожи. К тому же такая одежда, умело подбитая меховой подкладкой из шкурок хищных зверей, позволяла перенести зимние трескучие морозы промысловику, дровосеку, сеновозу, путнику.

Лестно отзывалась вышеупомянутая группа авторов об одежде саха. «Якутский костюм, – писали они, – шился так, чтобы легко было его носить и свободнее передвигаться в нем пешком или на коне, причем соблюдались условия наименьшей затраты материала при наибольшем сохранении животной теплоты организма. <...> Русские, которым приходится делать длинные поездки по северным округам, оценили удобство описанного костюма: они позаимствовали у якутов весь комплект обуви... шапки же и рукавицы» [18, с. 17]. Следует отметить, что саха не заимствовали у тунгусоязычного или юкагироязычного населения одежду, за исключением **саньях** из оленьей шкуры.

Остается только сказать, что вышеописанная Р. С. Гаврильевой многосоставная одежда из шкуры домашних животных вполне соответствовала мобильному образу жизни саха-скотовода в экстремальных условиях северо-востока Сибири. Традиционная одежда народа саха, созданная его предками в суровых условиях северо-востока Сибири, оправдала свое назначение и обеспечила жизнестойкость своих творцов. Следует подчеркнуть, что для адаптации саха в новых жестоких климатических условиях, новой окружающей среде его одежда играла, безусловно, не последнюю роль.

Многие путешественники, исследователи, побывавшие на северо-востоке Сибири, отмечали в первую очередь выносливость и терпимость саха ко всяким невзгодам и особенно к холоду. Одним из первых о данном явлении во второй половине XVIII в. писал коллежский асессор О. Матушевич (Матушевский). «...Они довольно, как противу жару, – писал он, – так и морозов, крепки ибо, как выше сказано, летом могут ходить в хороших шубах, а зимою естьли в дороге или за промыслом зверей случится которому в худом платье в жестокой мороз ехать верхом на лошади, то начнет мохать руками ногами и всем корпусом двигатца и тотчас спочнет снимает с себя шапку и рукавицы. Ночью же у самого малого огня на разосланных по снегу с дерев снятых ветвей спят полунагие без просыпу, и не чувствуя отнюдь тово, что внешняя от огня тела их часть снежным инеем покрыта» [Цит. по: 29, с. 43]. В конце XVIII в. свои наблюдения описал И. И. Биллингс: «Вообще якут здоров и живет до глубокой старости. <...> …многие недели подряд они спят на снегу. <...> Ложатся совершенно нагой спиной к огню и нередко случается, что огонь погаснет, а от мороза спина замерзает» [4, с. 37]. В первой половине XIX в. М. Геденштром также указал на то, что жесточайшая стужа для саха сноснее, нежели легкий холод для изнеженного русского [12, с. 94]. Ф. П. Врангель с большим удивлением отмечал, что саха «кажутся почти совершенно нечувствительны к стуже» [9, с. 184]. В конце XIX в. Н. А. Александрова фиксировала, что «якуты, впрочем, холода не боятся: никто из инородцев Сибири так и не вынослив в этом случае как якут. <...> спят, едва прикрытые, даже в лесу, на открытом воздухе во время самых сильных морозов» [1, с. 24].

Кроме вышеупомянутых авторов, своими впечатлениями об адаптационных возможностях саха к суровой климатической действительности поделились Г. И. Спасский [39], А. Я. Уваровский [42], Ю. А. Гагемейстер [11], Н. М. Березкин [3], Ф. Трощанский [41], авторы, написавшие книгу «Якуты» [43], С. Г. Пархоменко [33].

Известно, что саха в своих детях закаливали физическую стойкость сызмальства. По сообщению Г. И. Спасского, «зимой как родится младенец, валяют его в снегу» [39, с. 149]. Или, как подчеркивает Н. А. Александрова, «в Сибири якутов вследствие этого (*то есть способности терпеть невыносимый мороз – С. Э.*) называют железными людьми; и они действительно закалены с детства. Новорожденных натирают якуты снегом или обливают холодной водой по три раза в день, в люльку кладут их голыми прямо на бересту, едва-едва прикрывая какими-нибудь лоскутами» [1, с. 25].

Саха не баловали своих детей, особенно бедные семьи. Как отмечали исследователи, дети бедных, даже зимою, ползают по полу совсем нагие [26, с. 261-264; 38, с. 512-515]. По уточнению В. Л. Серошевского, большинство детей до трех лет ходит голыми [36, с. 513].

Б. Т. Величковский, исследуя влияние климатических и метеорологических факторов на здоровье человека, заметил, что «в Верхоянье – на полюсе холода – при температуре -57°С школьники 8-9 лет пошли на занятия, а табуны чистопородных домашних лошадей паслись как обычно» [8, с. 109].

Саха исподволь приучали детей работать с раннего детства. По Р. К. Мааку, после того как ребенок начинал ходить и в состоянии был несколько свободно владеть ножом, он поступал в ведение отца и получал от него свое образование. Образование это состояло в том, что отец брал с собою сына на рыбные и звериные промыслы, а девочка все свое образование получала у матери [26, с. 263-264]. Мальчик уже с 10 лет считался полувзрослым, поэтому большая часть его времени была поглощена трудом [38, с. 515].

Одной из важных альтернативных форм жизнеобеспечения в условиях экстремума, видимо, было высококалорийное питание. Известно, что жители Севера, например северо-восточной Сибири, в связи с низкой температурой воздуха расходуют больше энергии, чем жители южных регионов. По исследованиям Л. А. Львова, «долголетние и долгожители Якутии достаточно питались натуральными молочными, мясными и рыбными продуктами» [25, с. 27].

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод. Приспособиться к новым экстремальным климатическим условиям, примириться с жестокой обстановкой, обжить этот суровый край предкам саха помогли их трудолюбие, терпение и спокойный, рассудительный темперамент. В неблагоприятных для них условиях они сумели сохранить производящее хозяйство, поднять на высокий уровень рыболовный и охотничий промыслы. Следует подчеркнуть, что для сносного существования в новой окружающей среде саха нашли самый оптимальный вариант жилища и одежды, о которых очень тепло отзывались по различным причинам побывавшие на севере-востоке Сибири высокообразованные люди. Благодаря коневодству и своему творческому подходу саха развивали круглогодичный промысел рыбы. Притом самые производительные рыболовные орудия изготовлялись из волос лошадей и отличались прочностью и долговечностью.

Список литературы

1. **Александрова Н. А.** Якуты. М., 1899. 38 с.
2. **Антонов Н. К.** Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971. 175 с.
3. **Березкин Н. М.** Колымск-Гижига: доклад начальника Гижигской экспедиции о путях сообщения колымского края и об изысканиях пути Среднеколымск – Гижига: прочитан 19 декабря 1911 г. Якутск, 1912. 53 с.
4. **Биллингс И.** Этнографические материалы Северо-восточной географической экспедиции: 1785-1795 гг. Магадан, 1978. 176 с.
5. **Бичурин Н. Я. (Иакинф).** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. – Л., 1950. Ч. I. 758 с.
6. **Борзенкова И. И.** Изменение климата в Кайнозое. СПб.: Гидрометеоиздат, 1992. 248 с.
7. **Борисов А. А.** Климаты СССР в прошлом, настоящем и будущем. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 556 с.
8. **Величковский Б. Т., Кирпичев В. И., Суравегина И. Т.** Здоровье человека и окружающая среда: учебное пособие. М.: Новая школа, 1997. 236 с.
9. **Врангель Ф.** Путешествие по берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820-1824 гг. экспедицею. СПб., 1848. Ч. I. 456 с.
10. **Гаврильева Р. С.** Одежда народа саха конца XVII – середины XVIII века. Новосибирск: Наука, 1998. 144 с.
11. **Гагемейстер Ю. А.** Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. I и II. 697 с.
12. **Геденштром М.** Отрывки о Сибири. СПб., 1830. 160 с.
13. **Гоголев А. И.** Историческая этнография якутов. Якутск, 1980. 108 с.
14. **Гоголев А. И.** Историческая этнография якутов. Якутск, 1986. 92 с.
15. **Гоголев А. И.** История Якутии. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2005. 291 с.
16. **Гоголев А. И.** Якуты: проблемы этногенеза и формирования культуры. Якутск, 1993. 200 с.
17. **Гончаров И. А.** Фрегат «Паллада»: очерки путешествия: в 2-х т. Л.: Наука, 1986. 870 с.
18. **Жилище, одежда и пища якутов (к Всероссийской гигиенической выставке 1913 г.).** Якутск: Типография Як. обл. управления, 1913. 21 с.
19. **Золотарева И. М.** Этническая антропология бурят // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 11-45.
20. **История Хакасии с древнейших времен до 1917 года.** М.: Наука, 1993. 523 с.
21. **Константинов И. В.** Ранний железный век Якутии. Новосибирск: Наука, 1978. 128 с.
22. **Ксенофонтов Г. В.** Ураанхай сахалар: очерки древней истории якутов. Якутск: Нац. кн. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. Кн. 2. 315 с.
23. **Левин М. Г.** Антропологический тип якутов // Краткие сообщения Института этнографии (КСИЭ). М., 1947. Т. 3. С. 54-58.
24. **Линденау Я. И.** Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан, 1983. 176 с.
25. **Львов Л. С.** Образ жизни и долголетие в Якутии. Якутск, 1984. 32 с.
26. **Маак Р. К.** Вилюйский округ. М.: Яна, 1994. 592 с.
27. **Монин А. С., Шишков Ю. А.** Глобальные экологические проблемы. М.: Знание, 1990. 48 с.
28. **Никонов А.** История отмороженных в контексте глобального потепления. М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2007. 296 с.
29. **Окладников А. П.** Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1948. 96 с.
30. **Окладников А. П.** История ЯАССР. М. – Л., 1955. Т. 1. 432 с.
31. **Окладников А. П.** Ленские древности. Якутск, 1945. Вып. 1. 96 с.
32. **Окладников А. П.** Ленские древности. М. – Л., 1950. Вып. 3.
33. **Пархоменко С. Г.** Отчет о поездке в Вилюйский округ // Материалы комиссии по изучению Як. Авт. Сов. Соц. Республики. Л., 1928. Вып. 14.
34. **Петри Б. Э.** Доисторические кузнецы в Прибайкалье (к вопросу о доисторическом прошлом якутов). Чита, 1923. 12 с.
35. **Потапов Л. П.** Этнический состав и происхождение алтайцев: историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969. 196 с.
36. **Румянцев Г. Н., Викторова Л. Л.** Буряты // История Сибири. Л.: Наука, 1968. Т. 1. Древняя Сибирь. С. 379-387.
37. **Седякина Е. Ф.** Курыканы // История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л.: Наука, 1958. Т. 1. С. 291-296.
38. **Серошевский В. Л.** Якуты: опыт этнографического исследования. Изд-е 2-е. М., 1993. 736 с.
39. **Спасский Г. И.** Якуты // Сибирский вестник. СПб., 1824. Ч. III. № 17-18; Ч. IV. № 19-24.
40. **Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: лексика.** М.: Наука, 1997. 800 с.
41. **Трощанский В. Ф.** Наброски о якутах Якутского округа // Известия общества археологии, истории и этнографии Казанского университета. Казань, 1911. 144 с.
42. **Уваровский А. Я.** Ахтыылар. Дьокуускай: Бичик, 2003. 208 с.
43. **Якуты** // Народы России: этнографические очерки. СПб., 1880. С. 509-537.
44. **Ясаманов Н. А.** Климат и жизнь // Человек и природа. М.: Знание, 1987. С. 17-62.

SYNERGETIC WAY OF THE SAKHA PEOPLE ADAPTATION IN EXTREME CONDITIONS

Everstov Stepan Il'ich, Ph. D. in History
Yakutsk State Agricultural Academy
everstov-si@mail.ru

The author considers the adaptation problem of the stock-breeding Sakha people (the Yakuts), who found themselves in the extreme conditions of the North in the Middle Ages as a result of difficult twists and turns of life, and who withstood the difficult trial in the struggle for existence due to their viability and self-organization. In the course of Lena region development, with its sharply continental climate, the settlers not only preserved traditional material and spiritual culture, but also greatly rationalized all the types of the productive activity. By the arrival of the Russian explorers the vast areas of the North had been developed, where a new economic system was spread and the unique experience of harsh environment development was accumulated.

Key words and phrases: archeology; extreme conditions; climatology; adaptability; life support; self-organization.